

Екатерина Желтова

Конструируя «греческий» и «албанский»: лингвистические идеологии в грекоговорящих сообществах Южной Албании (Северного Эпира)

Статья посвящена анализу лингвистических идеологий (представлений о языках), распространенных в грекоговорящих сообществах Южной Албании (Северного Эпира). В основу этого текста легли материалы полевого исследования, проведенного в двух областях проживания греческого меньшинства Албании: Химара и Дропул. В статье выявляются наиболее распространенные в рассматриваемых сообществах представления о лингвистических кодах, составляющих их многоязычный репертуар, предлагается их классификация и анализ в специфическом для данных сообществ социальном контексте, связанном с особенностями самоидентификации их представителей. Лингвистические идеологии, которые рассматриваются в статье, играют важную роль в процессе управления социальными границами между «своим» локальным сообществом и двумя наиболее значимыми «другими» — «воображаемыми сообществами» греческого и албанского национальных государств.

Ключевые слова: язык и идентичность, лингвистические идеологии, этничность и национализм, меньшинство, Южная Албания.

В теоретической перспективе лингвистической антропологии речевой акт, или акт использования языка, рассматривается как социальное действие (см., например: [Lan-dar, Gumperz, Hymes 1966]). Для лингвистов, занимающихся «чистой лингвистикой» (core linguistics), речевое поведение, доступное для непосредственного наблюдения, служит источником материала, на основании которого они строят свои предположения о том, как устроен язык. Иначе говоря, используя те или иные научные методологии, лингвисты различных направлений прокладывают путь от хаоса эмпирического материала к аналитической системности описательной модели.

Однако этим занимаются не только лингвисты. Любой носитель языка в той или иной степени *осознает* использование языка как важную составляющую своей повседневности и, так же как и ученый-лингвист, пытается осмыслить эмпирику речи через моделирование языка. Отличие заключается в том, что носитель не имеет соответствующего образования, доступа к методологии, которая есть в распоряжении лингвиста. Вместо этого он пользуется какой-то другой эпистемологической системой. Эта система является культурно-специфичной и зависит

Екатерина Александровна Желтова
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
kitrini92@gmail.com

от социального и культурного контекста, от дискурсивного пространства, в котором она формируется, так же как методология, выбранная ученым-лингвистом для построения модели языка, во многом зависит от научной школы, в которой он профессионально формировался, и от теории, в которую он верит. Таким образом, в каждом сообществе формируются свои представления, конструирующие образ языка или языков, помогающие осмыслить дискурсивные практики сообщества, а порой и трансформирующие эти практики. О таких представлениях, или лингвистических идеологиях, и металингвистическом дискурсе, в котором они существуют, и пойдет речь в этой статье (о лингвистических идеологиях см.: [Silverstein 1979; 1981; Hoenigswald 1966; Woolard, Schieffelin 1994; Головкин 2014] и др.).

Подобно тому как лингвист, изучая речь и дискурс, делает выводы о том, как устроен язык, мы попробуем приблизиться к пониманию эпистемологической системы, которая дает жизнь подобным металингвистическим высказываниям, анализируя то, что люди говорят о своих языках.

Рис. 1. Южная Албания (Северный Эпир);
полевое исследование проводилось в Химаре (область г. Влеры)
и Дропуле (область г. Гирокастры)

Материалом для этой статьи послужили записи интервью и наблюдения, сделанные в августе и сентябре 2014 г. и феврале 2015 г. в ходе полевой работы с представителями грекоговорящих сообществ Южной Албании (Северного Эпира). В исследовании участвовали информанты с различными возрастными, гендерными и другими социальными характеристиками из города Химары (регион Химары) и поселка Дервичани (регион Дропула). Некоторые интервью были проведены в Афинах.

Население поселка Химара составляет около 3868 жителей, региона Химара, состоящего из самого поселка и семи близлежащих деревень, — около 11 257 жителей. Население Дервичани — около 1500 жителей, региона Дропул — около 16 500 жителей.

Говорить о количестве «греческого» населения в Северном Эпире очень сложно. Оценки разнятся от 40 000 до 400 000. Последняя цифра приводится греческими источниками и учитывает все православное население региона [Miall 1994].

Как и во многих других регионах Балкан, по всей вероятности, на этой территории, бывшей частью Византийской, а затем Османской империи, веками жили представители различных этнических групп. Этничность стала иметь значение, когда империя распалась и на Балканах стали формироваться независимые национальные государства. Территория Северного Эпира вышла из состава Османской империи почти на сто лет позже образования независимого греческого государства и в 1912 г. стала частью нового государства — Албании. Граница между Грецией и Албанией, как почти любая политическая граница, не соответствовала сложной социальной и культурной действительности этого региона, и такое положение вещей привело к тому, что по обе ее стороны остались люди, которые не могли идентифицировать себя с национальными государствами, частью которых они оказались. У многих из них по другую сторону границы остались родственники. На протяжении XX в. политические силы обоих государств неоднократно выражали свое несогласие со сложившейся ситуацией. Греция выражала свои претензии на Северный Эпир, Албания в ответ претендовала на часть Эпира на греческой стороне, на которой проживает албаноязычное население (Чамерия). Тем не менее граница осталась неизменной.

В 1945 г. к власти в Албании пришел будущий диктатор Энвер Ходжа, произошла смена политического режима, в результате которой Албания стала закрытым тоталитарным государством с коммунистической идеологией. Закрытие границ не только привело к экономической изоляции страны, но и стало траге-

дией для многих семей, принадлежащих к различным меньшинствам, в том числе и греческому, поскольку в результате люди из семей, члены которых проживали по разные стороны от границы, лишились связи со своими родными.

Коммунистическое правительство признавало наличие греческого меньшинства, однако не все области, где реально присутствовало грекоговорящее население, попали в официально признанную «зону проживания меньшинства». Химара в эту зону не вошла, и в 1946 г. в поселке была закрыта греческая школа, а албанский язык был объявлен единственным языком коммуникации во всех официальных и публичных сферах.

В 1990 г. с падением коммунистического режима граница между Грецией и Албанией была открыта. Внезапное появление доступа к трансграничной мобильности в совокупности с глубоким экономическим и политическим кризисом, в котором оказалась Албания, привело к массовой трудовой миграции населения из Албании в Грецию. Представители греческих сообществ, естественно, оказались включенными в этот процесс. Многие из них уехали в Грецию в поисках экономического благополучия и «потерянной родины». Большинство из них, однако, не обрывали связи с родными деревнями, а жили «на два дома». Эти процессы привели к формированию трансграничного пространства между Грецией и Албанией, которое определяет многие аспекты жизни моих информантов и сегодня (подробнее о транснационализме см.: [Schiller 1997; Levitt, Schiller 2004; Levitt, Jaworsky 2007; Levitt 2009]).

Химара так и не была включена в зону проживания греческого меньшинства, однако в 2006 г. в ней была открыта греческая школа, в которой на сегодняшний день есть только начальные и средние классы.

Долгие годы изоляции и «конфликт признания» (см.: [Taylor 1992; Малахов 2001]), в котором существовали и существуют представители греческого меньшинства Албании, привели к развитию в сообществе мощного чувства привязанности к месту, чувства локальной идентичности (см.: [Nitsiakos 2010]). Отделенность от «воображаемого сообщества» нации [Anderson 1991] интенсифицирует процесс «поиска» идентичности и приводит к постоянной борьбе за «признание» путем повышения статуса своей локальности до этничности и через этничность — национальности.

Мне кажется, что лингвистические идеологии сообществ, о которых мы говорим, имеет смысл рассматривать именно в этом контексте конфликта локальной и национальной идентичности.

Представления об албанцах и их языке по контрасту с греческим

Первая группа металингвистических высказываний, к которой мы обратимся, представляет взгляды моих информантов на албанский и греческий языки, их сходства и различия, их связь между собой.

Одной из наиболее популярных тем для разговора о языке оказалась тема происхождения албанского языка. Одна из «теорий» предполагает, что албанский язык является совокупностью языковых элементов, «украденных» из других языков:

Албанский — украденный язык. Они украли слова из других языков, в основном из греческого и латыни.

Я не указываю авторства этой цитаты, поскольку практически в неизменном виде она встречалась мне во многих интервью с разными людьми. Эта идея перекликается с более общим стереотипом о том, что «албанцы — воры». Для сравнения приведу довольно известный в Греции анекдот, который мне рассказал информант (мужчина, 30 лет, Химара):

— *Как албанец делает торт?*

— *Идет крадет яйца, крадет масло, крадет сахар...*

Еще одна «гипотеза» также подчеркивает «смешанную» природу албанского языка, и наряду с этим делает своеобразное предположение о социальных особенностях его функционирования:

Албанский — сконструированный язык, сделанный, чтобы люди на Балканах, говорящие на разных языках, могли общаться друг с другом, lingua franca на Балканах (мужчина, около 50 лет, Химара).

Это представление об албанском наряду с предыдущей идеей о том, что «албанцы украли слова», кажется мне интересным в свете обсуждения того, как связаны «народные» представления о языках с представлениями академической науки [Preston 1996]. Первое представление созвучно вполне принятой в «научной лингвистике» точке зрения о том, что в албанском около 70 % романской лексики. Однако для лингвиста это, конечно, не означает, что кто-то «украл» чужие слова, а всего лишь является признаком характерных для балканского региона интенсивных языковых контактов.

Второе представление соотносимо с идеей современной социолингвистики, что «языковая политика» на разных уровнях возможна, а язык является одним из социальных конструкторов (одну из первых формулировок этой идеи, весьма созвучную словам моих информантов, можно найти в работе [Якубин-

ский 1986]). Однако как «конструкт» могут восприниматься только чужой язык и культура, ни в коем случае не свои.

Еще одна «вариация» на тему происхождения албанцев и их языка уточняет место их происхождения:

Албанцы — пришлые. Они не жили раньше на Балканах, они пришли с Кавказа.

С этим представлением я впервые столкнулась, когда брала интервью у известного в греческом сообществе Албании интеллектуала, имеющего ученую степень в фольклористике и работающего в университете Гирокастры на отделении греческой филологии. Она прозвучала в контексте пересказа одной из его книг. Позже оказалось, что эта идея чрезвычайно популярна среди моих информантов.

В связи с этим возникает интересный вопрос, ответ на который мог бы стать предметом дальнейшего научного поиска. Каково соотношение «обывательского» и «интеллектуального» дискурса? Как они передаются в сообществе? Зарождаются ли они в «интеллектуальной» среде, а потом «спускаются» к «простым носителям»? Или они являются продуктом коллективного воображения сообщества, а некоторым из этих идей «везет» — находится сторонник в лице человека, получившего доступ к «экспертному» статусу, и они транслируются на другом уровне?

Один из молодых людей, критически оценивающих идеологию своего сообщества, так выразил свою точку зрения на этот вопрос:

Это человек [вышеупомянутый профессор. — Е.Ж.], которому приходят в голову сумасшедшие идеи, а он выдает их за науку. Остальные верят, так как необразованные (К., 23 года, высшее образование в области социальных наук, дер. Йоргучатес, рег. Дропул, записано в Афинах).

Любопытный пример эксплуатации «народной фонологии» для конструирования своей «греческости», с одной стороны, и греческой «первозданности», с другой стороны, можно увидеть в записанной в Дервичани дискуссии о правильном, «аутентичном» произношении названия региона: /dropul/ (албанский вариант) и /dhropoli/ (греческий вариант).

Мы разговаривали с двумя мужчинами, которые считаются в деревне интеллектуалами, и один из них принес нам книжку «То xroniko tis Dhropolis» (Хроника Дропула) [Litsios 2008]. Другой, рассмотрев книжку, сказал, что автор этой книги про-албански настроен, это плохая научная книга, а в особенности плохо то, что она неправильно описывает этимологию названия региона. Информант высказал предположение, что звук /dh/

очень древний и что он всегда существовал в греческом языке («Даже Гомер произносил /dh/, а не /d/»). Албанский же язык не имеет этого древнего звука, а следовательно, исконное название региона не может быть албанским.

Не вступая на зыбкую почву дискуссии о фонетических особенностях речи Гомера, но обладая информацией о том, что наш информант знал албанский, а в фонологической системе албанского есть пресловутый звук /dh/, мы можем предположить, что в этом случае произошло что-то вроде «спекуляции» фонологическим знанием. Двухязычный носитель не различает диахронное и синхронное измерение языка и преобразует свое собственное лингвистическое знание так, чтобы оно послужило для поддержки его представлений о древности языка, с которым он себя ассоциирует. Знание о языке служит ему, с одной стороны, инструментом для создания чувства общности с «родиной» в лице греческого государства, а с другой стороны — для доказательства первичности этого языка в определении «лингвистического ландшафта» местности, с которой связана его локальная идентичность.

Представления о локальном греческом идиоме¹

Представления моих информантов, особенно информантов из Химары, о локальном идиоме весьма противоречивы. В Химаре мне нередко приходилось слышать жалобы людей на то, что местный идиом является отсталым, что он не развивается и не удовлетворяет потребностям сегодняшнего дня. Многие высказывали эту идею, сравнивая свой идиом с идиомом Дропула, и обычно объясняли это тем, что в Химаре язык долго существовал в полной изоляции:

Мы здесь в Химаре не голосовали за Ходжу в 45 г., и у нас закрыли греческую школу в 46 г. Наш язык оказался в изоляции, и он не мог развиваться вместе с греческим языком (женщина, около 50 лет, Химара).

В Дропуле такое «негативное» восприятие локального идиома по шкале престижа мне не встречалось. Однако один из моих информантов (25 лет) во время очередной беседы стал рассуждать об отсутствии в локальном идиоме терминологии, выработанной за многие годы в стандартном греческом («языке Афин»). Здесь существенно то, как он это выразил²:

¹ Греческие идиомы Химары и Дропула достаточно сильно различаются, идиомы Дропула относятся к северным греческим диалектам, идиомы Химары — к южным (например, вместе с диалектом о. Крит).

² Здесь и далее в цитатах выделение сделано мной.

Греки в Афинах могут выразить какой-то смысл несколькими словами. Мы так не можем, нам потребуется гораздо больше слов.

При этом немного позже в ходе той же беседы он выразил весьма похожие по смыслу, но различные по способу выражения мысли о языке влахов (контекст этого обсуждения был не слишком лестный для влахов):

У влахов нет языка, у них идиом. У них нет научных слов, чтобы обсуждать науку.

Так наблюдательный носитель подмечает сходные особенности своего и чужого идиома, свойственные для идиомов, не прошедших через процесс стандартизации. Однако в случае с его собственным родным идиомом эта его особенность никак не повлияла на оценку престижности языка. В случае со своим идиомом вместо того чтобы сказать, что это «не язык» и в нем «нет научных слов», он говорит, что говорящему на нем просто «потребуется гораздо больше слов».

Так или иначе, и в Химаре, и в Дервичани чаще мне приходилось слышать весьма позитивные оценки локального идиома:

- *Наш диалект — самый древний* (встречалось и в Химаре, и в Дервичани у разных информантов).
- *Наш диалект похож на критский, а люди, которые живут на периферии, сохранили язык и культуру в наиболее древнем варианте* (свойственно для информантов из Химары).
- *Мы более настоящие греки, чем сами греки!* (распространено в обоих регионах).
- *Мы, акриты, говорим на более старой версии языка* (мужчина, 25 лет, дер. Дервичани региона Дропул).
- *Наш язык более певучий. Греки режут слова, режут язык. У них язык бездушный* (мужчина, 25 лет, дер. Дервичани региона Дропул).

Любопытно, что подобно тому как дискурс о «чужом» языке зачастую перекликается с конструктивистскими идеями современной социолингвистики (см. предыдущий раздел этой статьи), высказывания о «своем» языке напоминают металингвистический дискурс эпохи романтизма, с его повышенным вниманием к прошлому языка, идеализацией этого прошлого и наделением языка некими свойственными ему «от природы» достоинствами.

Еще одна ситуация поддержания «более греческого, чем греческий», статуса локального идиома — истории о взаимодей-

ствии моих информантов с «греческими греками». Они интересны, в частности, тем, что структурно и функционально очень похожи на анекдот, но рассказываются, как правило, как истории из личного опыта, про себя или своих друзей. Я приведу две таких истории, рассказанных мне в разных местах людьми разного возраста и социального статуса.

Первая история была рассказана молодым человеком лет 25 из Дервичани, без образования, в Греции жил недолго, в общей сложности два года. Второй рассказчик — мужчина 60–65 лет из Химары, с высшим образованием, жил в Греции больше десяти лет.

а. Содержание истории Ф. про строительство дома и курицу:

Однажды Ф. работал в Яннине строителем и строил забор для одной семьи. Работодатели относились к нему достаточно прохладно, держали его на расстоянии, относились к нему и его товарищам, «как к албанцу». Например, могли приготовить им кофе, но никогда не пили кофе вместе с ними. Однажды у хозяев убежала курица, и Ф. это заметил и побежал сообщить хозяевам. В процессе этого коммуникативного акта он использовал слово из родного диалекта “ornitha” вместо новогреческого “kota”. Хозяева узнали в этом слове «древнее греческое слово», убедились в том, что Ф. — грек, и с тех пор они пили кофе вместе.

б. Содержание истории М. про полицейских, которым он доказал, «кто здесь настоящий грек»:

Как-то М. ехал на машине по Греции, и его остановили полицейские. Они стали к нему придираться и сомневаться в его полном гражданском статусе из-за его происхождения из Северного Эпира. А он им говорит: «Сейчас я вам покажу, кто из нас настоящий грек. Вы знаете, как мы курицу называем? “Ornitha”! Это слово из древнегреческого! (в новогреческом используется другое слово, а в этом диалектизме действительно есть древнегреческий корень. — Е.Ж.)». Один из полицейских, который был родом из глухой деревни в Греции, где тоже сохранился свой диалект, ответил: «А ведь он прав! Я помню, что моя бабушка так говорила, но больше у нас уже никто так не говорит». И они его отпустили.

Таким образом, в дискурсе о «своем» языке (локальном греческом идиоме) представления о некоторой его «отсталости» и социальной ограниченности сосуществуют с его ярко выраженным позитивным восприятием, подчеркивающим древность и «чистоту», а также некоторые эстетические качества как важные его достоинства.

Заключение:**Лингвистические идеологии как социальный механизм**

В заключение я сделаю несколько предположений о том, как функционируют представленные выше лингвистические идеологии в социальном контексте грекоговорящих сообществ Албании.

Итак, как мы увидели, собранный мной материал органично распался на две группы, которые я изначально выделила по признаку того, о каком «языке» говорят информанты. Однако такое разделение не случайно и связано с социальными функциями, которые выполняют эти металингвистические дискурсы. Представления об албанском языке и его носителях по контрасту с греческим и представления о локальном греческом идиоме играют важную роль в процессе управления социальными границами между «своим» локальным сообществом и, соответственно, двумя наиболее значимыми «другими» — «воображаемыми сообществами» греческого и албанского национальных государств.

В своих работах о сообществе арванитов в Греции греческий исследователь Лукас Циципис [Tsitsipis 1995; 1998] рассуждает о произошедшем в этом сообществе языковом сдвиге и тенденции утраты родного языка (арватитика). Среди социальных и политических причин этого процесса он называет тот факт, что сообщество восприняло идеологические установки греческого национального государства, что привело к снижению престижа родного языка в сообществе.

Такое отношение к языку частично присутствует и в грекоговорящих сообществах Албании.

С одной стороны, это имеет отношение к взглядам людей на престижность их языка повседневного общения, т.е. локального греческого идиома.

С другой стороны, для грекоговорящих Албании, как и для арванитов в Греции, было необходимо на высоком уровне владеть официальным государственным языком для обретения, хотя бы в какой-то степени, политической и экономической мобильности.

В этом контексте можно рассмотреть лингвистические идеологии как механизм самозащиты языкового сообщества, предотвращающий утрату родного языка в ситуации, когда он выполняет функции Low language.

С падением коммунистического режима и началом интенсивных миграционных процессов на первый план вышла другая задача по защите идентичности, а именно — доказательство

своего права быть греком по национальности, полноправным гражданином греческого государства. В этом контексте не кажется удивительным, что упомянутые ранее жалобы на «отсталость» локального идиoma спокойно сосуществуют с восхвалением этого идиoma как символа благородной древности и как языка, который на самом деле «более настоящий греческий, чем сам греческий».

Наконец, я предполагаю, что представления людей о языках, которые они используют в своей повседневности, являются своеобразным связующим звеном между языковым репертуаром как частью культурной системы, сложившейся в результате длительных культурных контактов, и социальными процессами конструирования локальной, этнической и национальной идентичности. Локальность, проживаемая через повседневный опыт, этничность, формируемая в процессе культурной дифференциации от живущего по соседству «другого», и миф о «земле обетованной», в роли которой выступает национальное государство, создают противоречивый дискурс, приводящий к конфликту идентичностей. Специфическая форма металингвистического сознания и соответствующая практика ведения разговора о языке представляются мне одним из способов «смягчения» этого дискурсивного конфликта.

Библиография

- Головкин Е. В. Народная лингвистика как объект исследования // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 9–16.
- Малахов В. Символическое производство этничности и конфликт // Брилл Олкотт М., Семенов И. (ред.). Язык и этнический конфликт. М.: Гендальф, 2001. С. 115–138.
- Якубинский Л. П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // Языковедение и материализм. 1986. № 2. С. 71–82.
- Anderson B. *Imagined Communities*. L.: Verso, 1991. 224 p.
- Hoenigswald H. A Proposal for the Study of Folk-linguistics // *Sociolinguistics*. 1966. Vol. 16. P. 16–26.
- Landar H., Gumperz J., Hymes D. *The Ethnography of Communication* // *Language*. 1966. Vol. 42. No. 3. P. 704–712.
- Levitt P. Roots and Routes: Understanding the Lives of the Second Generation Transnationally // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2009. Vol. 35. No. 7. P. 1225–1242.
- Levitt P., Jaworsky B. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends // *Annual Review of Sociology*. 2007. Vol. 33. No. 1. P. 129–156.
- Levitt P., Schiller N. Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society // *International Migration Review*. 2004. Vol. 38. No. 3. P. 1002–1039.

- Litsios F.* To Hroniko tis Dhropolis [The Chronicle of Dropull]. Tirana: Neraida, 2008. 150 p. (In Greek).
- Miall H.* Minority Rights in Europe. N.Y.: Council on Foreign Relations Press, 1994. 120 p.
- Nitsiakos V.* On the Border. B.: Lit., 2010. 504 p.
- Preston D.* Whaddayaknow?: The Modes of Folk Linguistic Awareness // Language Awareness. 1996. Vol. 5. No. 1. P. 40–74.
- Silverstein M.* Language Structure and Linguistic Ideology // P. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer (eds.). The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979. P. 193–247.
- Silverstein M.* The Limits of Awareness // Sociolinguistic Working Paper. 1981. Vol. 84. P. 3–31.
- Schiller N.* The Situation of Transnational Studies // Identities. 1997. Vol. 4. No. 2. P. 155–166.
- Taylor Ch.* The Politics of Recognition // A. Gutmann (ed.). Multiculturalism and the Politics of Recognition. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 25–73.
- Tsitsipis L.* A Linguistic Anthropology of Praxis and Language Shift. Oxford: Clarendon Press, 1998. 163 p.
- Tsitsipis L.* The Coding of Linguistic Ideology in Arvanitika (Albanian) Language Shift: Congruent and Contradictory Discourse // Anthropological Linguistics. 1995. Vol. 37. No. 4. P. 541–577.
- Woolard K., Schieffelin B.* Language Ideology // Annual Review of Anthropology. 1994. Vol. 23. No. 1. P. 55–82.

Constructing “Greek” and “Albanian”: Linguistic Ideologies in the Greek-speaking Communities of Southern Albania (Northern Epirus)

Ekaterina Zheltova

European University at St.Petersburg
Gagarinskaya str., 3, St.Petersburg
kitrini92@gmail.com

This paper studies linguistic ideologies in the Greek-speaking communities of Southern Albania (Northern Epirus). The research is based on data collected during two field trips held in August–September 2014 and in February 2015 in two bilingual regions of Southern Albania, Himara and Dropul. Ca. 60 respondents of different age, gender, and social backgrounds took part in the research. For collecting material, the methods of semi-structured interviews and participant observation were used. In my analysis, I take the methodological perspective of discourse analysis.

This article aims to present some of the ideas my consultants articulated about the linguistic codes that constitute their multilingual repertoire, to classify them, and to analyse them in the contexts of identity construction specific to these communities.

The linguistic ideologies presented in the paper fall into two categories: “beliefs about Albanian in contrast with Greek” and “beliefs about the local Greek idiom”. These linguistic ideologies manage the social boundaries between local communities and the two “significant others:” the “imagined communities” of Greek and Albanian national states. They are instrumental in people’s search for the imagined “motherland” of the Greek nation-state, and, at the same time, help support the local identity and adjust the status of their community to the situation, as well as “improve” locality turning it into ethnicity.

Keywords: language and identity, linguistic ideologies, ethnicity and nationalism, minority, Southern Albania.

References

- Anderson B., *Imagined Communities*. London: Verso, 1991, 224 pp.
- Golovko E. V., ‘Narodnaya lingvistika kak predmet issledovaniya’ [Folk Linguistics as an Object of Study], *Antropologicheskij forum*, 2014, no. 16, pp. 9–16. (In Russian).
- Hoenigswald H., ‘A Proposal for the Study of Folk-linguistics’, *Socio-linguistics*, 1966, vol. 16, pp. 16–26.
- Landar H., Gumperz J., Hymes D., ‘The Ethnography of Communication’, *Language*, 1966, vol. 42, no. 3, pp. 704–712.

- Levitt P., 'Roots and Routes: Understanding the Lives of the Second Generation Transnationally', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2009, vol. 35, no. 7, pp. 1225–1242.
- Levitt P., Jaworsky B., 'Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends', *Annual Review of Sociology*, 2007, vol. 33, no. 1, pp. 129–156.
- Levitt P., Schiller N., 'Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society', *International Migration Review*, 2004, vol. 38, no. 3, pp. 1002–1039.
- Litsios F., *To Hroniko tis Dhropolis* [The Chronicle of Dropull]. Tirana: Neraida, 2008, 150 pp. (In Greek).
- Malakhov V., 'Simvolicheskoe proizvodstvo etnichnosti i konflikt' [The Symbolic Production of Ethnicity and Conflict], Brill Olcott M., Semenov I. (eds.), *Yazyk i etnicheskii konflikt* [Language and Ethnic Conflict]. Moscow: Gandalf, 2001, pp. 115–138. (In Russian).
- Miall H., *Minority Rights in Europe*. New York: Council on Foreign Relations Press, 1994, 120 pp.
- Nitsiakos V., *On the Border*. Berlin: Lit., 2010, 504 pp.
- Preston D., 'Whaddayaknow?: The Modes of Folk Linguistic Awareness', *Language Awareness*, 1996, vol. 5, no. 1, pp. 40–74.
- Silverstein M., 'Language Structure and Linguistic Ideology', Clyne P., Hanks W., Hofbauer C. (eds.), *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979, pp. 193–247.
- Silverstein M., 'The Limits of Awareness', *Sociolinguistic Working Paper*, 1981, vol. 84, pp. 3–31.
- Schiller N., 'The Situation of Transnational Studies', *Identities*, 1997, vol. 4, no. 2, pp. 155–166.
- Taylor Ch., 'The Politics of Recognition', Gutmann A. (ed.), *Multiculturalism and the Politics of Recognition*. Princeton: Princeton University Press, 1992, pp. 25–73.
- Tsitsipis L., *A Linguistic Anthropology of Praxis and Language Shift*. Oxford: Clarendon Press, 1998, 163 pp.
- Tsitsipis L., 'The Coding of Linguistic Ideology in Arvanítika (Albanian) Language Shift: Congruent and Contradictory Discourse', *Anthropological Linguistics*, 1995, vol. 37, no. 4, pp. 541–577.
- Woolard K., Schieffelin B., 'Language Ideology', *Annual Review of Anthropology*, 1994, vol. 23, no. 1, pp. 55–82.
- Yakubinsky L., 'F. de Sossyur o nevozmozhnosti yazykovoy politiki' [F. de Saussure on the Impossibility of Language Policy], *Yazykovedenie i materializm* [Linguistics and Materialism], 1986, no. 2, pp. 71–82. (In Russian).